

ПОСТОРОННИЙ

1940, выдержки Дятловых от 14.11.2021, 1–6/43=86%

1. Я сказал «да», разговаривать не хотелось.
2. А вы молоды, с вами она бы скучала. Это верно. Когда мама жила со мной, она все время молчала и только неотступно провожала меня глазами.
3. Но, конечно, это совсем другое дело. Он ведь привратник и в какой-то мере над ними начальство.
4. Рядом стояли распорядитель — низенький, нелепо одетый человечек — и старик
5. Я почувствовал себя затерянным между белесой, выгоревшей синевой неба и навязчивой чернотой вокруг: липко чернел разверзшийся гудрон, тускло чернела наша одежда, черным лаком блестел катафалк.
6. Я хотел было сказать, что я ведь не виноват, да вспомнил, что уже говорил это патрону. Ну, не важно. Все равно, как ни крути, всегда окажешься в чем-нибудь да виноват.
7. Я вспомнил, что нынче воскресенье, и мне стало скучно — не люблю воскресений.
8. Вырезал рекламу слабительной соли и наклеил в старую тетрадь, я туда вклеиваю все, что попадется в газетах забавного.
9. Я вышел купить хлеба и макарон, сварил макароны и стоя поел.
10. И подумал — вот и прошло воскресенье, маму похоронили, завтра я пойду на работу, и, в сущности, ничего не изменилось.
11. Все же я пошел прямо домой, потому что хотел сварить себе картошки.
12. Селест говорит, что Саламано — негодяй, но ведь никто не знает, как оно на самом деле.
13. Однако со мной он часто заговаривает, а иногда на минуту заходит ко мне, потому что я готов его слушать. По-моему, он рассказывает интересно. И у меня нет причин с ним не разговаривать.
14. — У меня есть вино и кровяная колбаса. Может, присоединитесь? Я подумал, не придется готовить себе ужин, и согласился.
15. Он объяснил: пристал к нему один фрукт, вот и пришлось подраться.
16. — Поколачивал, но только так, любя. Она, бывало, всплакнет, я закрою ставни, и все кончается самым обыкновенным образом. А на этот раз дело серьезное. И, скажу вам, я еще не проучил ее как следует.
17. Не сразу я заметил, что он перешел на ты. Только когда он заявил: «Вот теперь ты мне настоящий друг!» — меня это поразило. Он повторил то же самое еще раз, и я сказал: «Да». Мне все равно, друг так друг, а ему, видно, вправду этого хотелось.
18. Тогда он объяснил: он слышал, что я похоронил маму, но ведь рано или поздно все поправим. Я согласился.
19. Раймон крепко пожал мне руку и сказал, что настоящие мужчины всегда поймут друг друга.
20. — Ты меня любишь? Я ответил, что это пустые слова, они ничего не значат, но, пожалуй, не люблю.
21. В другой раз будешь знать, как с полицией шутки шутить хотя, в сущности, мне все равно. Тогда он спросил, неужели мне не интересно переменить образ жизни. Я сказал, в жизни ничего не переменяешь, все одно и то же, а мне и так хорошо.
22. С какой стати я буду менять свою жизнь? Если вдуматься, разве я несчастен? В студенческие годы были у меня всякие честолюбивые мечты. Но когда пришлось бросить учебу, я очень быстро понял, что все это, в сущности, не важно.
23. Тогда она сказала, что брак — дело серьезное. Я сказал: — Нет.
24. Интересно знать, согласился бы я, если бы мне то же самое предложила другая женщина, с которой я был бы связан такими же отношениями? Я сказал: — Разумеется
25. какой он, Париж. Я сказал: — Там грязно. Всюду голуби и закопченные дворы. А кожа у людей белая.

26. Я сказал — можно завести новую собаку, но старик справедливо заметил, что к своему псу он привык.
27. И затем изрек: уж наверно, смерть мамы для меня страшное несчастье, но я ничего не ответил
28. Там Раймон заявил, что у него не раны, а царапины, он может и сам пойти к врачу.
29. И я подумал — можно стрелять, а можно и не стрелять, какая разница.
30. Остаться тут или идти — в конце концов было все едино.
31. Он ждал меня в кабинете с завешенными окнами, горела одна только лампа на письменном столе и освещала кресло, в которое он меня усадил, а сам остался в тени. Я уже читал про такие приемы в книгах, и все это показалось мне игрой.
32. Там следователь сообщил, что в день похорон мамы я «проявил бесчувственность».
33. Все же я ответил, что несколько отвык разбираться в своих чувствах и затрудняюсь ему что-либо объяснить. Конечно, я любил маму, но какое это имеет значение? Всякий разумный человек так или иначе когда-нибудь желал смерти тем, кого любит.
34. Все же я ему объяснил, что такой уж я от природы — когда мне физически не по себе, все мои чувства и мысли путаются. В тот день, когда хоронили маму, я очень устал и не выспался. И поэтому плохо соображал, что происходит.
35. Мне хотелось его удержать, объяснить, что я был бы рад, если бы он отнесся ко мне по-хорошему — и не потому, что тогда бы он больше старался, защищая меня, а просто так.
36. Он меня не понимал и поэтому немного злился.
37. Мне хотелось растолковать ему, что я такой же, как все люди, в точности такой же. Но все это, в сущности, бесполезно, мне стало лень, и я махнул рукой.
38. Сперва он сказал, что, по общему мнению, я человек молчаливый и замкнутый — а сам я как полагаю? Я ответил: — Просто мне нечего сказать. Вот я и молчу.
39. Мне уже надоело повторять одно и то же, кажется, никогда в жизни я так много не говорил.
40. Тогда он быстро, с жаром заговорил: он верит в Бога, он убежден, что нет на свете человека столь виновного, чтобы Господь Бог его не простил, но для этого виновный должен раскаяться и стать душою как дитя — открыт и доверчив.
41. Но он меня перебил и, выпрямившись во весь рост, в последний раз потребовал ответа: верю ли я в Бога. Я сказал — не верю. Он рассердился и сел. И сказал, что этого не может быть, все люди верят в Бога, даже те, кто от него отворачивается. Таково его глубочайшее убеждение, и, если он вынужден будет в этом усомниться, вся его жизнь потеряет смысл.
42. Конечно, я заметил, что он уже говорит мне, как близкому, «ты», но с меня было довольно.
43. Как всегда, когда я хочу избавиться от кого-нибудь, кого слушаю через силу, я сделал вид, что со всем согласен.
44. — Никогда еще я не видел души столь очерствелой, как ваша. Все преступники, сколько их ни проходило через мои руки, плакали перед этим скорбным ликом.
45. Я хотел ответить — потому и плакали, что они преступники. Но тотчас подумал, что ведь и я такой же. Я никак не мог свыкнуться с этой мыслью. Тут следователь встал, словно в знак того, что допрос окончен. Он только спросил еще, с тем же усталым видом, сожалею ли я о своем поступке. Я подумал и сказал — не то чтобы жалею, но мне неприятно.
46. — Ну, на сегодня хватит, господин Антихрист!
47. И остальное время научился проводить неплохо. И часто думал: если бы меня заставили жить в стволе высохшего дерева и совсем ничего нельзя было бы делать, только смотреть, как цветет небо над головой, я бы понемногу и к этому привык. Ждал бы, чтоб пролетела птица или напоззли облака, все равно как здесь жду, в каком еще диковинном галстуке явится мой адвокат, а в прежней жизни запасался терпением до субботы, когда можно будет обнять Мари. Так ведь, если вдуматься, я не сижу в стволе сухого дерева. Есть люди несчастнее меня. Хотя это не моя мысль, а мамина, мама часто повторяла, что в конце концов ко всему привыкаешь.
48. Зато так я легче убивал время.
49. Пожалуй, то, что нельзя курить, угнетало меня больше всего. Я отдирали от нар щепочки и сосал их. Весь день меня мутило.
50. Если не считать этих неприятностей, я был не так уж несчастен. Самое главное, повторяю, убить время. Я научился вспоминать разные разности и с тех пор больше не скучал.

51. Вот тогда я понял: если человек жил хотя бы один только день, он потом спокойно может сто лет просидеть в тюрьме. У него будет вдоволь воспоминаний, чтоб не скучать. Если угодно, это тоже утешает.
52. Я перечитал эту историю, наверно, тысячу раз. С одной стороны, она была неправдоподобна. С другой — вполне естественна. По-моему, этот человек в какой-то мере заслужил свою участь. Никогда не надо притворяться.
53. Вот так я часами спал, вспоминал, перечитывал отрывки из этой истории, в камере становилось то светло, то темно — а время шло. Где-то когда-то я вычитал, что в тюрьме человек под конец теряет представление о времени. Но тогда это для меня был звук пустой. Я не понимал, что день может быть сразу и очень длинным, и очень коротким. Конечно, прожить такой день — это долго, но они так растягивались, что в конце концов сливались, один переходил в другой. Они стали безликие, безымянные. Только слова «вчера» и «завтра» еще не потеряли свой смысл.
54. В известном смысле мне даже интересно: посмотрю, как это бывает. Никогда еще не случилось попасть в суд. — Да, — сказал второй жандарм, — но под конец это надоедает.
55. все уставились на меня и стараются подметить, над чем бы посмеяться. Я понимал, что это все глупости: во мне ищут не смешное, а преступное. Но разница не так уж велика — во всяком случае, такое у меня тогда было ощущение.
56. Репортеры уже наострили перья. Лица у них были равнодушные и немного насмешливые.
57. Я понял: сейчас он заговорит о маме — и мне стало тошно. Он спросил, почему я отдал маму в дом призрения. Я ответил — потому что у меня не хватало денег на уход за нею и на сиделку. Он спросил, не трудно ли мне было на это решиться, и я ответил — мы с мамой больше ничего друг от друга не ждали, да и ни от кого другого тоже, и оба мы привыкли к новому образу жизни.
58. — О нет, этого предостаточно! Он заявил это с таким жаром, так победоносно посмотрел в мою сторону, что впервые за много лет я, как дурак, чуть не заплакал, вдруг ощутив, до чего все эти люди меня ненавидят.
59. Спросили, какого он обо мне мнения, и он ответил, что я — человек. А как это понимать? Всякий понимает, что это значит, заявил Селест. А замечал ли он, что я замкнутый и скрытный? В ответ Селест сказал только, что я не трепал языком попусту.
60. — Надо понимать, — твердил Саламано, — надо понимать. Но, видно, никто не понимал. Его увели.
61. — Да! — закричал он с жаром. — Я обвиняю этого человека в том, что на похоронах матери он в сердце своем был уже преступен.
62. знакомые шумы города, который я всегда любил
63. Это не заурядное убийство под влиянием аффекта, не внезапный порыв, для которого вы могли бы найти смягчающие обстоятельства. Перед вами, господа, человек вполне разумный. Вы его слышали, не так ли? Он умеет отвечать на вопросы. Он знает цену словам. И уж никак нельзя сказать, что он действовал, не отдавая себе отчета в своих поступках.
64. Итак, меня считали разумным. Но я не мог понять, почему же то, что в обыкновенном человеке считается достоинством, оборачивается сокрушительной уликой против обвиняемого.
65. Да, я не слишком жалел о сделанном. Но странно, что он обрушивался на меня с такой яростью. Я охотно попробовал бы ему объяснить, вполне доброжелательно и даже дружески, что никогда я не умел по-настоящему о чем-либо сожалеть.
66. И я опять постарался прислушаться, потому что прокурор стал рассуждать о моей душе. Он говорил, что пристально в нее всмотрелся — и ровно ничего не нашел, господа присяжные заседатели! Поистине, говорил он, у меня вообще нет души, во мне нет ничего человеческого и нравственные принципы, ограждающие человеческое сердце от порока, мне недоступны.
67. — Без сомнения, — прибавил прокурор, — мы не должны вменять это ему в вину. Нельзя его упрекать в отсутствии того, что он попросту не мог приобрести. Но здесь, в суде, добродетель пассивная — терпимость и снисходительность — должна уступить место добродетели более трудной, но и более высокой, а именно — справедливости. Ибо пустыня, которая открывается

- нам в сердце этого человека, грозит разверзнуться пропастью и поглотить все, на чем зиждется наше общество.
68. Но он не побоится сказать, продолжал он, что даже это чудовищное преступление едва ли ужасает его сильнее, нежели мое бессердечие. Ибо, как он полагает, тот, кто убил родную мать душевной черствостью, столь же бесповоротно отторгает себя от человечества, как и тот, кто поднял на родителя преступную руку. Во всяком случае, первый открывает путь деяниям второго, в известном смысле предвещает их и узаконивает.
69. Прокурор отер лоснящееся от пота лицо. И в заключение сказал, что долг его тягостен, но он исполнит этот долг с твердостью. Он заявил, что мне нет места в обществе, чьих важнейших заповедей я не признаю, и я не вправе ждать милосердия, раз мне чужды простейшие движения человеческого сердца.
70. Мне стало тошно от бессмысленного, бесполезного торчания здесь, в этом зале, и хотелось только одного — поскорей бы все кончилось, поскорей бы вернуться в камеру и уснуть.
71. Пусть примут они во внимание все смягчающие обстоятельства, ведь самой тяжкой карой для меня навек останутся угрызения совести.
72. именем французского народа мне на площади прилюдно отрубят голову. И мне показалось: на всех лицах я читаю одно и то же чувство. Да, конечно, теперь все смотрели на меня с уважением.
73. Его зачитали в восемь часов вечера, но могли зачитать и в пять, он мог быть другим, его вынесли люди, которые, как и все на свете, меняют белье, он провозглашен именем чего-то весьма расплывчатого — именем французского народа (а почему не китайского или немецкого?), — все это, казалось мне, делает приговор каким-то несерьезным.
74. Как же я раньше не соображал, — нет на свете ничего важнее смертной казни, в известном смысле только она и заслуживает внимания!
75. По-моему, самое важное — оставить осужденному хоть какую-то надежду. Пусть повезет одному из тысячи — этого довольно. Можно, скажем, составить некое снадобье, убивающее пациента (про себя я так и выражался: пациент) в девяти случаях из десяти. Одно условие — пусть пациент об этом знает. Потому что по зрелом размышлении, спокойно все обдумав и взвесив, я понял, чем плоха гильотина: она не оставляет ни тени надежды. Смерть пациента решена с первой минуты окончательно и бесповоротно. Тут все твердо, незыблемо, установлено раз и навсегда. Неотвратимо. Если каким-то чудом нож заело, все начнут сначала. А потому — досадная нелепость! — осужденный сам вынужден желать, чтобы машина работала безотказно. Я сказал — это недостаток. В каком-то смысле так оно и есть. Но в другом смысле нельзя не признать, что тут-то и кроется секрет отлично налаженного дела. Осужденный волей-неволей оказывается заодно с теми, кто его казнит. В его же интересах, чтобы все шло без запинки.
76. Чего не знаешь, то всегда преувеличиваешь.
77. Мама часто говорила, что человек никогда не бывает совершенно несчастен. В тюрьме, когда небо наливалось краской и в камеру проскальзывал свет нового дня, я понял — она была права.
78. Так что же? Значит, я умру. Раньше, чем другие, разумеется. Но ведь всякий знает — жить не стоит труда. В сущности, я прекрасно понимал, что умереть в тридцать лет или в семьдесят — невелика разница, все равно другие мужчины и женщины останутся жить после тебя, и так будет еще тысячи лет. Ясно и понятно, чего проще. Теперь или через двадцать лет — все равно я умру. Сейчас при этом рассуждении меня смущало одно: как подумаю, что можно бы прожить еще двадцать лет, внутри все так и вскинется. Оставалось глушить это чувство, внушать себе, что те же мысли одолевали бы меня и через двадцать лет, когда я все равно очутился бы в таком же положении. Ведь ясно и понятно: смерти не миновать, а когда и как умрешь — что за важность.
79. Впрочем, если бы Мари умерла, я вспоминал бы о ней спокойно. Мертвая она бы меня ничуть не занимала. Это вполне естественно, и обо мне тоже, разумеется, забудут, как только я умру. Людям больше не будет до меня дела. Даже не могу сказать, чтобы это меня угнетало. В сущности, нет такой мысли, к которой человеку нельзя привыкнуть.

80. иногда людям кажется, будто они в чем-то уверены, а на самом деле это не так. Я промолчал. Он посмотрел на меня и спросил: — А как по-вашему? Я сказал — всяко бывает. Может, я и не знаю наверняка, что меня по-настоящему занимает. Но уж что мне совсем неинтересно — это я знаю твердо. Так вот, то, о чем он говорит, меня ничуть не интересует.
81. — Да, конечно, — согласился он. — Но если вы не умрете в скором времени, так умрете позже. И тогда перед вами встанет тот же самый вопрос. Как встретите вы это страшное испытание?
82. — Неужели у вас нет никакой надежды? Неужели вы живете с мыслью, что умрете совершенно и ничего от вас не останется? — Да, — ответил я.
83. Он опустил голову и опять сел. И сказал, что ему меня жаль. Ему кажется — такое невозможно вынести человеку.
84. Он уверен, говорил он, что мою просьбу о помиловании удовлетворят, но на мне тяготеет грех — и от этого груза надо освободиться. У него выходило, что людской суд ничего не значит, важен только суд Божий. Я сказал: меня-то осудили люди. Он возразил: однако этим не омыт мой грех. Я сказал: а мне неизвестно, что такое грех, мне объявили только, что я виновен. Я виновен и расплачиваюсь по счету, а больше с меня нечего спрашивать.
85. — Нет, я не могу вам поверить! Я убежден, вам тоже случалось желать иной жизни. Я ответил: да, конечно, но это бессмысленно — все равно как если хочешь разбогатеть, или плавать быстрее всех, или чтобы у тебя рот стал красивый. Совершенно одно и то же — пустые мечты.
86. — Нет, сын мой, — сказал он и положил руку мне на плечо. — Я с вами. Но вы не в силах это понять, потому что сердце ваше слепо. Я буду за вас молиться.
87. От гнева и радости меня била дрожь, и я излил на него все, что скопилось в душе, до самого дна.
88. Он с виду такой уверенный и ни в чем не сомневается? Так вот, вся его уверенность не стоит единого женского волоска. Напрасно он уверен, что жив, ведь он живет как мертвец. Вот и я с виду нищий и обездоленный. Но я уверен в себе и во всем, куда уверенней, чем он, я уверен, что жив и что скоро умру. Да, кроме этой уверенности, у меня ничего нет. Но по крайней мере этой истины у меня никто не отнимет. Как и меня у нее не отнять. Я прав и теперь и прежде, всегда был прав. Я жил вот так, а мог бы жить по-другому. Делал то и не делал этого. Поступил так, а не эдак. Ну и что? Как бы там ни было, а выходит — я всегда ждал вот этой минуты, этого рассвета, тут-то и подтвердится моя правота. Все — все равно, все не имеет значения, и я прекрасно знаю почему. И он тоже знает.
89. На протяжении всей моей нелепой жизни, через еще не наступившие годы, из глубины будущего неслось мне навстречу сумрачное дуновение и равняло все на своем пути, и от этого все, что мне сулили и навязывали, становилось столь же призрачным, как те годы, что я прожил на самом деле. Что мне смерть других людей, любовь матери, что мне его Бог, другие пути, которые можно бы предпочесть в жизни, другие судьбы, которые можно избрать, — ведь мне предназначена одна-единственная судьба, мне и еще миллиардам избранных, всем, кто, как и он, называют себя моими братьями. Понятно ли ему, понятно ли наконец? Все люди на свете — избранные. Других не существует. Рано или поздно всех осудят и приговорят. И его тоже. Не все ли равно, если обвиненного в убийстве казнят за то, что он не плакал на похоронах матери? Псу старика Саламано цена не больше и не меньше, чем его жене. Маленькая женщина-автомат столь же виновна, как парижанка, на которой женился Мэсон, и как Мари, которая хотела стать моей женой. Не все ли равно, если моим приятелем был и Раймон, а не только Селест, который куда лучше Раймона? И не все ли равно, если Мари сегодня подставит губы какому-нибудь другому Мерсо? Так понимает ли он, приговоренный, что из глубины моего будущего... Я выкрикивал все это и задыхался от крика. Но священника уже вырвали у меня из рук, и надзиратели накинулись на меня с угрозами. Однако он их успокоил и минуту молча смотрел на меня. В глазах у него стояли слезы. Он повернулся и исчез.
90. Вдруг где-то на краю ночи взвыли пароходные гудки. Они возвещали отплытия и разлуки миру, который стал мне навсегда безразличен.

91. Как будто неистовый порыв гнева очистил меня от боли, избавил от надежды, и перед этой ночью, полной загадочных знаков и звезд, я впервые раскрываюсь навстречу тихому равнодушию мира. Он так на меня похож, он мне как брат, и от этого я чувствую — я был счастлив, я счастлив и сейчас. Чтобы все завершилось, чтобы не было мне так одиноко, остается только пожелать, чтобы в день моей казни собралось побольше зрителей — и пусть они встретят меня криками ненависти.

Конец текста